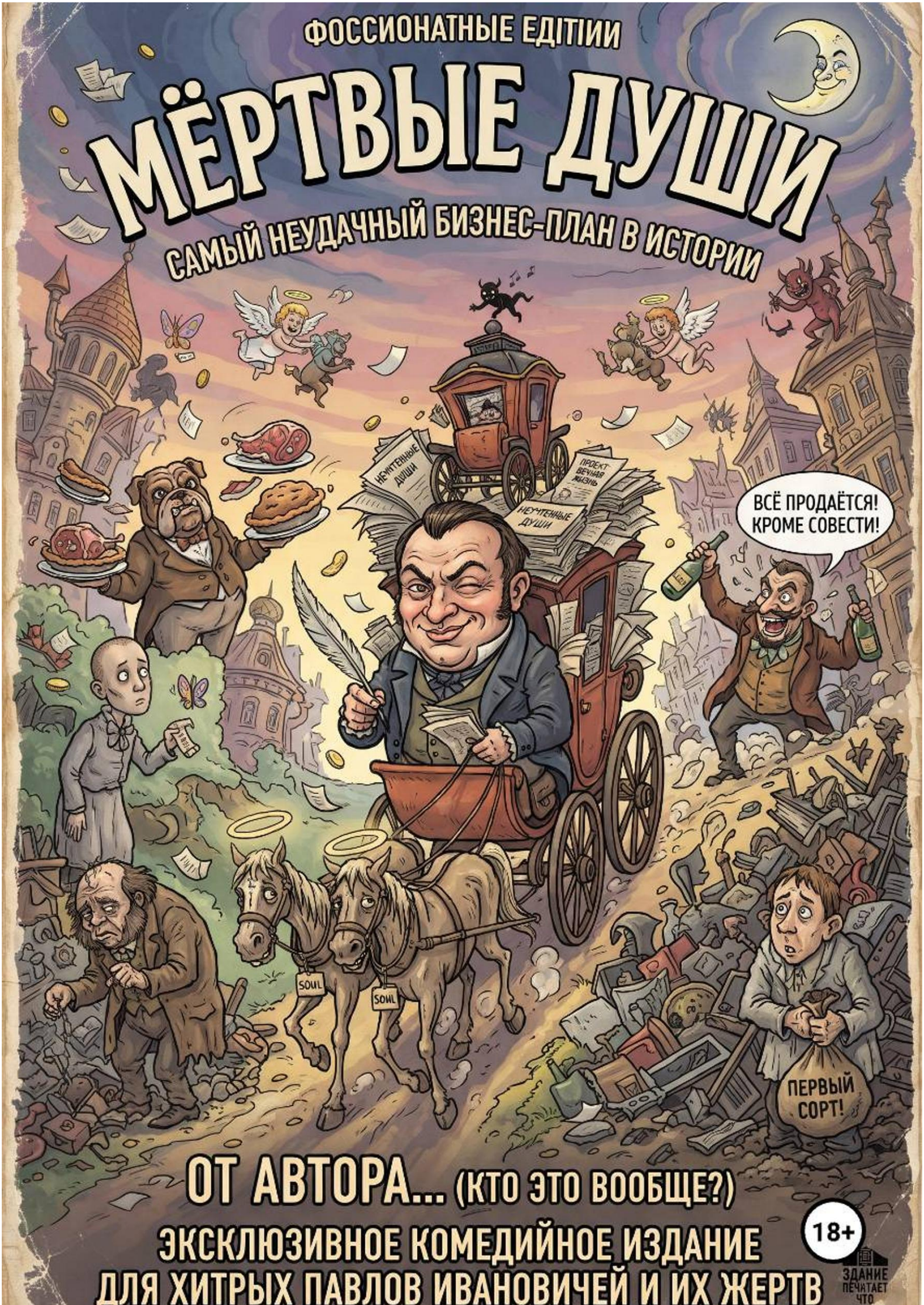
ФОССИОНАТНЫЕ ЕДІТІИИ

МЁРТВЫЕ ДУШИ

САМЫЙ НЕУДАЧНЫЙ БИЗНЕС-ПЛАН В ИСТОРИИ

ОТ АВТОРА... (КТО ЭТО ВООБЩЕ?)

ЭКСКЛЮЗИВНОЕ КОМЕДИЙНОЕ ИЗДАНИЕ
ДЛЯ ХИТРЫХ ПАВЛОВ ИВАНОВИЧЕЙ И ИХ ЖЕРТВ

18+

ЗДАНИЕ ПЕЧАТАЕТ ЧТО ПОПАЛО

Арсений Ширяев

Мёртвые души - "Классика без церемоний" Комедийная адаптация

«Автор»
2026

Ширяев А. С.

Мёртвые души - "Классика без церемоний" Комедийная адаптация / А. С. Ширяев — «Автор», 2026

«Классика без церемоний» — шоу Арсения Ширяева.Что будет, если на полном серьёзе попытаться разбогатеть на том, чего по закону вроде бы и нет, но по бумагам оно ещё числится? Коллежский советник Павел Иванович Чичиков — человек «приятный во всех отношениях», ни толст ни тонок, с блестящими манерами и пухлой красной шкатулкой — приезжает в губернский город Эн-Эн с гениальным, на первый взгляд, планом: скупить по дешёвке у местных помещиков «мёртвые души»

© Ширяев А. С., 2026
© Автор, 2026

Арсений Ширяев
Мёртвые души - "Классика без церемоний" Комедийная адаптация

К Л А С С И К А Б Е З Ц Е Р Е М О Н И Й
Шоу Арсения Ширяева
Николай Васильевич Гоголь
МЁРТВЫЕ ДУШИ
Авантюра Павла Ивановича Чичикова

Том первый (Главы I–X)
Комедийная литературная адаптация • Книжное издание
❦
2026

ОГЛАВЛЕНИЕ
Глава первая. *«Новый человек в городе Эн-Эн»*
Глава вторая. *«Заманиловка, или сладкий дурман»*
Глава третья. *«Ночное приключение в усадьбе Коробочки»*
Глава четвёртая. *«Бургундское из Парижа и шашки по-ноздрёвски»*
Глава пятая. *«Медведь во фраке и сто рублей за плотника»*
Глава шестая. *«Прореха на человечестве и сухарь с плесенью»*
Глава седьмая. *«Оформление купчих и триумфальный пир у полицмейстера»*
Глава восьмая. *«Губернаторский бал и громкий скандал»*
Глава девятая. *«Капитан Копейкин, приезд Коробочки и городской переполох»*
Глава десятая. *«Тайна Павлуши и птица-тройка»*
❦

ГЛАВА ПЕРВАЯ
«Новый человек в городе Эн-Эн»

В ворота гостиницы губернского города Эн-Эн въехала довольно красивая, хотя и слегка запылённая рессорная бричка. В такой обычно ездят холостяки, отставные подполковники, заседатели палат да помещики средней руки, имеющие душ по сто крестьян. В бричке сидел господин, которого при всём желании нельзя было бы назвать выдающимся. Не красавец, но дурной наружности его точно не назовёшь. Не слишком толст, но совершенно точно не тонок. Нельзя сказать, что стар, но уж никак не юн. Словом, человек настолько приятный во всех отношениях и настолько округло-усреднённый, что даже самому придирчивому глазу зацепиться было решительно не за что.

Въезд этого замечательного господина не произвёл в городе ровным счётом никакого шума. Город спал открытыми глазами. Лишь два русских мужика, стоявшие у кабака напротив гостиницы, оторвались от созерцания глубокой лужи и начали весьма глубокомысленную беседу.

— Вишь ты, — сказал первый, задумчиво почёсывая затылок и щурясь на экипаж, — вон какое колесо! Что думаешь, доедет то колесо, если б случилось, в Москву, или не доедет?

— Доедет, — авторитетно кивнул второй, сплёвывая прямо в пыль, словно ставя печать на своём вердикте.

— А в Казань-то, я думаю, не доедет? А? Если по весне да по распутице?

— В Казань не доедет. Далековато для такого колеса. Да и спицы, вишь, хлипковаты будут для казанского тракта.

На этом их сложная техническая экспертиза благополучно закончилась, и бричка подкатила к крыльцу.

Гостиница была точно такой же, как и все губернские гостиницы в нашей необъятной империи. То есть, с тараканами размером с хорошую сливу, которые вылезали из щелей, как полноправные арендаторы, с тёмными узкими коридорами и половицами, скрипевшими так пронзительно, будто на них наступали раскалёнными щипцами. Навстречу гостю, звеня ключами, выскочил половой — вертлявый малый в ситцевой рубашке.

— Пожалуйте-с, барин, пожалуйте-с! — защебетал он, размахивая белой салфеткой так энергично, словно отгонял от приезжего злых духов или пытался вызвать ветер. — Извольте сюда-с! Лучший номер-с! Светло, тепло, клопов со времён прошлого месяца не видали-с!

Павел Иванович Чичиков неспешно вылез из брички, оглядел потемневшее здание, вдохнул стойкий запах кислых щей и ответил с тем спокойным достоинством, которое моментально выдаёт человека солидного:

— Веди, братец. Только без лишней суеты. И салфеткой не маши, не на пожаре.

Пока Чичиков осматривал свои апартаменты — узкую комнату с жёлтыми обоями и крошечным зеркалом, в котором лицо казалось похожим на блин, — внизу уже разворачивалась грандиозная опера по переноске вещей. Угрюмый лакей Петрушка, чей просторный кафтан пах так густо, будто его владелец ночевал в бочке с прошлогодним квасом, молча и пыхтя тащил тяжёлый сундук. Кучер Селифан, человек мелкий, но крайне ворчливый, раздавал указания, спотыкаясь на каждой ступеньке.

— Да не прислоняй ты барский чемодан к стене, ирод! — пыхтел Селифан, пытаясь подтолкнуть Петрушку в спину. — Там же извёстка сыплется! Замараешь полировку, барин с тебя шкуру спустит!

— Помалкивай, — буркнул Петрушка, впечатав чемодан в дверной косяк с таким грохотом, что в соседнем номере кто-то испуганно икнул.

Павел Иванович вышел на порог и строго посмотрел на своих людей. Ему важен был порядок.

— Сундук поставьте в угол. Шкатулку красного дерева — ко мне на стол. И чтоб ни капли пыли! Селифан, ступай на конюшню, просмотри лошадей. Чтоб овёс был чистый, а не солома с грязью. Петрушка, проветри комнату.

Спустя час, умывшись, переодевшись и обретя вид человека свежего, как майская роза, Павел Иванович спустился в общую залу изволить покушать. Ему подали обычный трактирный обед, известный каждому путешественнику: щи со слоёным пирожком, мозги с зелёным горошком, сосиски с капустой и, разумеется, солёный огурец размером с небольшой лапоть. И вот тут-то началось самое интересное.

— А скажи-ка мне, любезный, — проговорил Чичиков, аккуратно отрезая кусочек сосиски и ласково глядя на полового. — Давно ли ты здесь служишь? Город-то у вас, я погляжу, изрядный. А кто у вас губернатор?

— Известно кто-с! Иван Ильич-с! — гаркнул малый, радуясь, что может блеснуть своими политическими знаниями. — Очень даже добрый господин-с! Давеча на ярмарке щенка купил, так всем показывал-с!

— Щенка? Какая прелесть... — Павел Иванович отправил сосиску в рот и изящно промокнул губы салфеткой. — А председатель палаты кто будет? Тоже, небось, человек достойный?

— Пётр Петрович-с! А полицмейстер — Алексей Иванович! Ох и строгий господин-с, но справедливый! Вчерась у купца Рыбникова две бочки селёдки реквизировал в пользу пожарной команды-с!

— Вот как? Строгий? Ну надо же... — Чичиков сочувственно покачал головой, отодвигая тарелку. — А скажи мне, братец... — он чуть подался вперёд, словно собирался спросить рецепт трактирных щей, понизив голос до доверительного шёпота. — Как у вас в губернии насчёт... эпидемий?

— Чаво-с? — Половой даже перестал размахивать салфеткой. — Эпи... чего-с? Это какие-то новые французские вина-с?

— Ну, болезней всяких. Лихорадки смертельной, тифа? Не мрут ли крестьяне у местных помещиков? Много ли людей, так сказать, Богу душу отдаёт в этих краях?

Половой озадаченно почесал нос. Гости обычно спрашивали, где можно выпить, где карточная игра идёт поживее или какие барышни в городе самые красивые. А тут — крестьяне, тиф, смертность.

— Да как вам сказать, барин... — протянул он, насторожённо косясь на Чичикова. — Мрут помаленьку. Зима-то холодная была, студёная. Хворают-с. У Собакевича вон кузнец помер, у Плюшкина — вообще мухи мрут, не то что люди.

— Вот оно как! Кузнец помер? — лицо Чичикова внезапно озарилось такой светлой и искренней радостью, словно ему только что сообщили о выигрыше в лотерею. Но, мгновенно спохватившись, он тут же придал лицу подобающее случаю скорбное выражение.

— Какая жалость. Какая невосполнимая утрата для государства русского. А кто из помещиков, говоришь, побогаче будет? И сколько у них приблизительно душ числится?

К концу этого странного обеда Чичиков узнал всё, что ему было нужно: о мечтательном Манилове, о медведеподобном Собакевиче, о буяне Ноздрёве. Половой оказался настоящей ходячей газетой, стоило только дать ему гривенник. После сытной трапезы Павел Иванович решил совершить моцион — прогуляться по городу, дабы составить о нём собственное представление.

Город Эн-Эн ничем не уступал другим губернским городам. Жёлтая краска на каменных домах облупилась, являя миру пепельную серость, а деревянные домишки покосились так, словно кланялись прохожим. На одной улице Чичиков заметил весьма примечательную вывеску: «Заведение трактирное с биллиардом», а ниже, для самых непонятливых, был нарисован сам биллиард со столами, игроками и даже киями, которые художник изобразил настолько кривыми, что они походили на сосновые дрова.

Павел Иванович с видом тонкого ценителя искусства осмотрел вывеску, поправил шёлковый галстук и двинулся дальше. Он искал городской сад, который в местных «Губернских ведомостях» описывали не иначе как «роскошный оазис с тенистыми, широколиственными аллеями, дающими прохладу в знойный день».

Оазис на деле оказался тремя чахлыми, облысевшими деревцами, которые заботливые горожане привязали к колышкам, вероятно, чтобы они не упали от первого же порыва ветра. Но Чичиков, будучи человеком в высшей степени позитивным и снисходительным к чужим недостаткам, лишь мягко улыбнулся.

— Ну, деревья — дело наживное. Сегодня прутик, а завтра глядишь — дуб, — пробормотал он себе под нос, срывая с куста одинокий пожелтевший лист и растирая его в пальцах. — Главное ведь не сады. Главное, чтоб люди здесь были хорошие, состоятельные. И, желательно, с большим количеством... кхм... мёртвых душ.

Весь следующий день был посвящён официальным визитам. Чичиков отправился покорять местную элиту. И надо сказать честно, делал он это с виртуозностью циркового жонглёра. Он менял маски с такой скоростью, что даже самый искушённый психолог не смог бы понять, где заканчивается любезность и начинается сам Чичиков. В кабинете у губернатора он сидел

на самом краешке стула и с благоговением слушал рассуждения о том, как невыносимо трудно управлять целой губернией.

— О, Ваше превосходительство! — горячо восклицал Павел Иванович, заглядывая губернатору прямо в душу своими честными глазами. — Ваш ежедневный труд подобен античному подвигу! Вы как титан, как сам Атлант, держите на своих могучих плечах всё хрупкое благополучие этого прекрасного края! Диву даюсь, как вы ещё находите время для вышивания по тюлю!

Губернатор, который до этого момента считал своим главным политическим достижением удачную покупку того самого породистого щенка, растаял как сливочное масло на горячем блине. Он тут же пригласил этого замечательного гостя на домашний вечер.

Но уже через час у прокурора, человека мрачного, молчаливого и вечно жующего губы, Чичиков был совершенно иным. Напротив, он был строг, деловит и не проронил ни одной улыбки.

— Закон, милостивый государь, есть незыблемая гранитная основа всякого здорового общества, — чеканил Павел Иванович баритоном, сурово хмуря брови. — Там, где нет закона, там, осмелюсь сказать, начинается гибель государства!

Прокурор, который в жизни не произносил речей длиннее трёх слов, в ответ лишь мычал и щурился, но в этом мычании слышалось глубочайшее уважение. К вечеру город был абсолютно покорён. Полицмейстер считал его отличным, компанейским парнем, вице-губернатор — умнейшим человеком, а председатель палаты — просто душой-человеком. И никто, совершенно никто даже не задумался: а откуда, собственно, взялся этот замечательный господин и каковы его истинные намерения?

Кульминацией этого грандиозного успеха стал губернаторский вечер. Павел Иванович готовился к нему, как великий полководец к решающей битве при Аустерлице. Он выбрил щёки до состояния идеальной гладкости, надел элегантный фрак брусничного цвета с искрой, поправил манишку и обрызгал себя одеколоном так щедро, что пролетавшая мимо муха тут же упала в обморок от восторга.

Зал в губернаторском доме гудел. Мужчины, как это извечно водится на русских балах, делились на два вида. Первые — тоненькие. Они увивались вокруг дам, сверкая белыми зубами, золотыми эполетами и сыпали французскими словечками, порхая как бабочки. Вторые — толстые. Эти к дамам не лезли. Они солидно пятились к карточным столам, потому что прекрасно знали: настоящая жизнь начинается не в танцевальной зале, а там, где сдают козыри. Чичиков, будучи человеком идеальной средней комплекции, виртуозно лавировал между ними.

И именно у карточного стола, среди зелёного сукна и хрустальных бокалов, судьба свела его с двумя помещиками, которые вскоре сыграют в его безумной авантюре главную роль.

— Ах, Павел Иванович! — сладко процедил Манилов, человек с глазами, похожими на два больших куска сахара. Он перехватил руку Чичикова и пожал её с такой теплотой, словно они расстались только вчера после десятилетней дружбы. — Какое несказанное счастье видеть вас здесь! Ваши речи — это просто бальзам! Вы просто обязаны, слышите, непременно обязаны осчастливить мой дом своим драгоценным визитом!

— Почту за величайшую честь, благодетель, — ответил Чичиков, мысленно ставя жирную галочку в своём внутреннем списке. — А где, позвольте осведомиться, находится ваше чудное имение?

— Всего-то пятнадцать вёрст от заставы! Прямо по тракту! — вздохнул Манилов, будто сообщал о местоположении райских кущ.

— Врёшь! — внезапно рявкнул кто-то сзади басом, от которого мелко задрожали хрустальные подвески на люстре и звякнули чашки на подносах.

Чичиков обернулся и чуть не столкнулся с настоящим медведем, закованным во фрак. Это был Собакевич. Он ступал тяжело, глядел исподлобья и казался вырубленным топором из одного огромного куска морёного дуба.

— Все тридцать вёрст будет до его Заманиловки, — проворчал Собакевич, наступая Чичикову на ботинок всем своим пудовым весом. — Извините. Ко мне тоже заезжайте. У меня, слава богу, мосты крепкие.

Павел Иванович героически выдержал адскую боль, даже не поморщившись. Только правый глаз слегка дёрнулся.

— Всенепременно, — прошипел он с вежливой улыбкой, аккуратно и медленно вытаскивая ногу из-под сапога великана. — Заеду с превеликим удовольствием.

На следующий день, продолжая свои стратегические визиты, Павел Иванович отправился к полицмейстеру, где, собственно, и столкнулся с настоящим ураганом по имени Ноздрёв. Этот господин тридцати лет, разбитной малый с густыми, смоляными бакенбардами, влетел в гостиную так стремительно, будто за ним гналась целая стая голодных волков.

— Ба! Да это же наш новый гость! — гаркнул Ноздрёв, хватая Чичикова за руку и тряся её с энергией пожарного насоса. — А я, брат, только что с ярмарки! Продулся в пух и прах! Поверишь ли, даже цепочку с часов спустил! И лошадей чуть не проиграл! Кабы не поручик Кувшинников, пешком бы шёл!

— Сочувствую вашему горю, — ответил Павел Иванович, стараясь незаметно отодвинуться от этого фонтана энергии. — Но, смею заметить, мы с вами ещё не представились друг другу.

— Да к чёрту церемонии! Мы теперь братья! Ты ко мне обязательно заявишься! У меня там такие собаки — настоящие волки, а не собаки! Щенка тебе подам, закачаешься! Меня зовут Ноздрёв! И мы с тобой, брат, сейчас же выпьем шампанского за здоровье всех честных людей!

Чичикову ничего не оставалось, кроме как покорно согласиться на скорое братство с этим стихийным бедствием. К концу недели весь город Эн-Эн был абсолютно, железобетонно уверен, что Павел Иванович Чичиков — это самый достойный, самый благонамеренный, самый образованный и самый очаровательный человек на свете.

Они наперебой приглашали его на обеды, ужины, чаепития и карточные баталии. И никто, абсолютно никто в этом милом, сонном провинциальном омуте даже в самом страшном сне не догадывался, какую невиданную, неслыханную, беспрецедентную и совершенно безумную сделку задумал этот не слишком толстый, но и не слишком тонкий господин. Афера века только начиналась.

ГЛАВА ВТОРАЯ

«Заманиловка, или сладкий дурман»

Солнце только-только начало нещадно припекать макушку, когда рессорная бричка Павла Ивановича Чичикова выехала за скрипучую городскую заставу. Дорога вилась впереди, как пьяная, пыльная змея, то пропадая в оврагах, то выныривая на пригорках. Мечтательный Манилов клялся и божился, что до его родового имения Заманиловки всего-навсего пятнадцать вёрст. Но русские вёрсты, как доподлинно известно всякому бывалому путешественнику, имеют удивительное, почти мистическое свойство. Они способны растягиваться в пространстве в зависимости от погоды, дорожной скуки и, разумеется, настроения ямщика.

— Но, пошёл, чубарый! — кричал Селифан, лениво помахивая коротким кнутом, стараясь не задеть мух, облепивших коня. — Делай своё дело, раз уж в упряжку запрягли! А ты, гнедой, не прячься, не жмись к оглобле, я всё вижу! Ишь, хитрец выискался, думает, если овёс с утра съел, так и бежать теперь не надо! Ты должен трудиться честно, как император приказал!

— Селифан! Долго ли ещё нам тащиться? Мы уж, кажется, все двадцать вёрст отмахали! Где эта проклятая Заманиловка? Ни одной живой души кругом!

— А кто ж её знает, барин. Дорога-то пока одна, другой не предвидится. Значит, где-нибудь впереди да будет эта самая Заманиловка. Ехать надо. Чубарый, не ленись, кому русским языком говорю!

Наконец, спустя битых два часа тряски, показалась, собственно, деревня Манилова. Господский дом стоял на открытом юру, продуваемый абсолютно всеми ветрами, какие только существуют в природе. Вокруг него сиротливо расположился так называемый «аглицкий сад»: пяток чахлых, кривых берёз, зелёный, затянутый тиной пруд с громко квакающими жирными лягушками и покосившаяся деревянная беседка с гордой, выцветшей синей надписью: «Храм уединённого размышления». На крыльце этого архитектурного чуда, щурясь от солнца и сладко, до приторности улыбаясь, стоял сам хозяин в зелёном шалоновом сюртуке. Он, казалось, ждал своего гостя с самого сотворения мира.

— Павел Иванович! Голубчик вы мой ненаглядный! Глазам своим поверить решительно не могу! А мы с Лизаветой Георгиевной только что сидели у окна и о вас непрестанно вспоминали! Думали, не приедет наш спаситель, забудет бедных затворников!

— Предобрый мой Илья Ильич! Насилу доехали по вашим живописным местам! Ваш дом, смею заметить, это настоящий светлый маяк в этом бушующем, неспокойном море нашей повседневной, суетной жизни!

Они обнялись так крепко и так долго, что Чичиков едва не задохнулся от густого запаха дешёвого трубочного табака, ванили и каких-то сладких духов. Но настоящая, высокая комедия разыгралась минутой позже, когда оба расшаркивающихся господина подошли к двери гостиной. Дверь, как назло, была слегка узковата для двоих солидных мужей.

— Сделайте великую милость, проходите первым. Вы наш самый дорогой, самый желанный гость!

— Ни за что на свете! После вас, дорогой Илья Ильич! Я тут скромненько постою, подожду! Хозяину первенство во всём!

— Павел Иванович, ну не обижайте же меня! Прошу вас, умоляю, сделайте одолжение! Проходите, не стесняйтесь, будте как дома!

— Извольте проходить, благодетель! Я без хозяина порог ни за какие коврижки не переступлю! Законы гостеприимства святы для русского человека!

Этот совершенно нелепый, выматывающий турнир вежливости продолжался минут пять, не меньше. Они кланялись, шаркали ножками, расшаркивались, приседали и уступали друг другу дорогу, пока, наконец, не решили протиснуться в дверной проём одновременно. Естественно, оба намертво застряли, пыхтели, тёрлись боками, кряхтели, но сладких, приклеенных улыбок с лиц решительно не снимали, пока с треском не вывалились в комнату.

В гостиной их ждала Лизавета Георгиевна — дама весьма приятная, хоть и любящая несколько чрезмерно сюсюкать. Супруги Маниловы жили душа в душу. Даже чугунная сковородка на кухне не могла зашипеть без их обоюдного, нежного согласия. Посреди комнаты, на дубовом столе, возвышались аккуратные горки выбитой из трубки серой золы, расставленные в строгом геометрическом порядке — кажется, единственное хозяйственное увлечение Манилова за последние десять лет. В остальном же дом зиял пустотой и незавершённостью. Мебели не хватало, а та, что была, стояла обитая рогожей.

— Ах, Павел Иванович, вы, верно, сильно устали с нашей ужасной дороги? Кушайте, прошу вас, наше варенье. Оно малиновое, мы с Ильей Ильичом сами вчера варили, всю душу вложили!

— Божественный нектар! Амброзия! Ваши ручки, сударыня, творят настоящие, непостижимые уму чудеса! Я словно на верхнем Олимпе очутился, среди античных богов!

— А знаете, Павел Иванович, о чём я часто думаю, сидя вечером на балконе? Как было бы славно, если бы от нашего дома вдруг провести подземный ход! Или, скажем, выстроить через пруд огромный каменный мост, на котором бы по обеим сторонам сидели купцы и продавали крестьянам разные мелкие товары! Вы только представьте эту грандиозную картину!

— Замысел воистину колоссальный, Илья Ильич. Это проект государственного масштаба. Вам бы в Петербурге, в министерстве сидеть с такими-то идеями!

В это самое время в идиллическую гостиную с диким шумом ввалились двое детей. Старший, Фемистоклюс, усердно вытирал сопливый нос бархатным рукавом своего сюртучка, а младший, Алкид, громко, на всю комнату чавкая, жевал сладкий коржик, щедро кроша прямо на персидский ковёр.

— Фемистоклюс, светик мой, скажи-ка мне, какой самый лучший, самый красивый город во Франции?

— Париж!

— Видите? Вы только посмотрите! Какой необыкновенный, живой ум! Огромные, просто колоссальные способности! Я из него непременно посланника сделаю! А ну-ка, Фемистоклюс, откуси-ка брату ухо, покажи свой бойкий характер!

Чичиков вежливо, слегка натянуто смеялся, хвалил детей, трепал их по щекам, но внутри его холодный, практичный, сугубо деловой ум уже лихорадочно просчитывал, как ловко и незаметно перейти от этих пустых сладостей к главному вопросу. После невыносимо сытного обеда, когда супруга тактично удалилась почивать, Павел Иванович остался с хозяином наедине. Он деликатно откашлялся, посмотрел на Манилова в упор и значительно, с расстановкой понизил голос.

— Илья Ильич... У меня к вам есть одно маленькое, но очень важное, я бы даже сказал, крайне интимное дельце. Скажите мне как на духу... давно ли вы подавали в палату ревизскую сказку?

— Ревизскую сказку? О крестьянах? Да уж года два, наверное, назад подавали. А что такое случилось, Павел Иванович? Вы меня прямо пугаете своей серьёзностью.

— И много ли у вас крестьян с тех самых пор... кхм... умерло? Отдало Богу душу?

— Да как вам точно-то сказать... Решительно не знаю. Надо бы у нашего приказчика спросить, он этими скучными делами заведует. Эй, кто-нибудь! Позовите немедля приказчика!

Приказчик явился незамедлительно. Это был мужик хитроватый, с бегающими глазами, неопределённого возраста, в стёганом, изрядно засаленном халате. Он встал у порога, теребя шапку.

— Мрут-с, барин Илья Ильич. Человек сорок, пожалуй, наберётся с прошлой переписи. Хворают люди, слабые стали. Кто от лихорадки, кто с печи неудачно упал. Сорок душ точно будет.

— Сорок? Прекрасно... То есть, тьфу ты, я хотел сказать, очень жаль! Страшная, невосполнимая трагедия для хозяйства! Так вот, драгоценный мой Илья Ильич. Я желаю этих самых мёртвых душ... купить! Приобрести в полную собственность! Перевести на своё законное имя!

В комнате повисла мёртвая, звенящая тишина. Тяжёлый вишнёвый чубук выпал из внезапно ослабевших рук Манилова и с глухим, гулким стуком ударился об паркетный пол. Хозяин широко открыл рот и остался сидеть в такой нелепой, застывшей позе несколько долгих, невыносимых минут. Он хлопал глазами, как испуганная сова, внезапно вытащенная на яркий солнечный свет. Ему казалось, что он спит.

— Купить? Кого? Мёртвых? Павел Иванович... вы, верно, изволите шутить надо мной? Или, не дай Бог, умом слегка тронулись с нашей тряской дороги? Зачем вам мёртвые люди?

— Никак нет-с! Я в полном уме и твёрдой памяти. И государственных законов я не нарушаю. Раз они в сказке официально числятся живыми, я их и покупаю как абсолютно живых.

Хочу приобрести их для... для срочного пополнения собственного имения в Херсонской губернии. Требуется выводка новых крестьян.

— Но позвольте... Они же... того-с... без телесной оболочки... прах, так сказать. Как же их передать-то вам? В мешках, что ли? И... и самое главное, что об этом скажет наше великое государство? Не будет ли в этом какого-нибудь тайного несоответствия видам нашей державы?

— Государству от этого выйдет только польза! Огромная польза! Пошлины платятся исправно, казна пополняется звонкой монетой! Всё строго по закону, комар носа не подточит! Так какую цену вы за них, благодетель, назначите? Просите смело!

Манилов, будучи человеком крайне чувствительным и совершенно не приспособленным к коммерции, внезапно осознал одну вещь. Он решил, что перед ним сидит настоящий философ, гений. Оказывать услугу такому великому, приятному человеку за грязные, мерзкие деньги было бы чистым кощунством. Это разрушило бы всю их высокую дружбу.

— Деньги? О, Павел Иванович! Да за кого вы меня принимаете? Я отдам их вам даром! Совершенно бесплатно, без единой копейки! В знак нашей великой, нерушимой, вечной дружбы! И купчую, клянусь вам, сам оплачу в палате!

— Илья Ильич! Благодетель вы мой! Век не забуду вашей невиданной, безграничной щедрости! Вы просто спасли меня! Я ваш вечный должник!

Расставались они с горючими слезами на глазах. Манилов ещё очень долго стоял на крыльце в своём шалоновом сюртуке, махая белым платком вслед уезжающей в пыль бричке. В его пухлой, мечтательной голове уже рисовалась прекрасная картина: как они с любезным Чичиковым строят тот самый гигантский мост через пруд, а сам государь император, узнав об их великой дружбе, жалует им обоим генеральские чины. А в бричке, тем временем, Павел Иванович Чичиков довольно потирал руки.

— Начало положено! Сорок душ, да ещё и даром! Это вам не фунт изюму на базаре купить, тут мозг нужен! Селифан! Гони к Собакевичу! Теперь нас ждёт настоящий торг!

— Но, чубарый, пошёл! К Собакевичу так к Собакевичу. Всё одно, где овёс жевать. Наше дело подневольное, куда барин скажет, туда и покатим.

Бричка покатила по пыльной просёлочной дороге, увозя нашего предприимчивого героя навстречу новым, ещё более абсурдным сделкам. Афера века стремительно набирала свои безумные обороты.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

«Ночное приключение в усадьбе Коробочки»

Бричка Павла Ивановича резво катилась от Маниловки в сторону обширных владений Собакевича. Настроение у нашего предприимчивого авантюриста было просто превосходное: сорок душ уже лежали в заветной шкатулке, причём достались они совершенно даром, если не считать пары часов утомительной сладкой болтовни! Павел Иванович уютно устроился на кожаных подушках и уже прикидывал в уме, сколько удастся сторговать у сурового медведя во фраке. Но тут в блестящий план вмешались два исконно русских, совершенно непредсказуемых фактора — коварное бездорожье и кучер Селифан.

Дело в том, что Селифан перед самым отъездом успел забежать в людскую к маниловским дворовым, где ему с великим радушием поднесли пару увесистых ковшиков крепкого домашнего пива — исключительно за здоровье такого приятного гостя. В результате в голове у кучера образовался мягкий, приятный туман, вожжи стали казаться удивительно лёгкими, а окружающий мир — гораздо шире, добрее и загадочнее, чем обычно. Тем временем над пустынной степью сгустились тяжёлые, свинцовые тучи, налетел порывистый холодный ветер, и начался такой проливной дождь, будто на небесах вдруг прорвало гигантскую бочку.

— Эх, погодушка разгулялась... — пробормотал Селифан, втягивая голову в мокрый воротник армяка и лениво помахивая кнутом в темноте. — Ну ничего, братцы, не робей! Гне-

дой, ты у нас конь степенный, держись середки! Заседатель, не отставай, шагай ровно! А ты, чубарый, чего опять уши развесил? Думаешь, если ночь на дворе, так Селифан не видит, как ты халявишь? Я, брат, всё насквозь вижу!

— Селифан! — крикнул Павел Иванович, мгновенно пряча нос в суконный воротник шинели и придерживая шляпу. — Куда ты прёшь, любезный?! Мы же давно с большого тракта сбились! Тут ни зги не видно, хоть глаз выколи! Поворачивай назад, пока в овраг не свалились!

— Никак нельзя назад, Павел Иванович! — бодро отозвался Селифан, едва не свалившись с облучка на крутом повороте. — Лошади сами дорогу чуют, у них нюх почище собачьего! Эй, Заседатель, забирай правее! А ты, чубарый, не виляй задом, ирод пегий, кому говорю! Сейчас выскочим на ровное место!

Несколько долгих минут бричка подскакивала на кочках и корнях так отчаянно, словно ехала по гигантской стиральной доске. Внутри экипажа всё гремело, подпрыгивало, а заветная шкатулка так и норовила выбить барину передние зубы. И вот, когда Селифан в очередной раз замахнулся кнутом, левое переднее колесо с глухим, зловещим хрустом провалилось в глубокую, размытую дождём рытвину. Экипаж страшно накренился, жалобно затрещал и с тяжёлым, обречённым вздохом завалился на бок прямо в холодную дорожную грязь.

— Тьфу! Ах ты, безмозглая твоя голова! — завопил Чичиков, вылезая на четвереньках из перекошенной брички и тщетно пытаясь отряхнуть свой парадный брусничный сюртук от жирной чернозёмной жижи. — Я тебе покажу, как пиво хлестать в дороге! Убью, ирода! Выпорю до полусмерти!

— Виноват, Павел Иванович, кругом виноват... — пробормотал Селифан, ощупывая ушибленный бок и тупо глядя в непроглядную темноту. — Бес попутал, проклятый... Но вы не гневайтесь, барин, я сейчас всё в лучшем виде поправлю! Вот только бричку за колесо поднимем... Эй, Петрушка, подсоби-ка!

— Куда её поднимать, дурья башка, — мрачно буркнул Петрушка, глядя на намертво увязшее в липкой глине колесо. — Она тут до самой весны пролежит, пока раки на горе не свистнут. Вон, глядите лучше, огонёк вдали мигает. Похоже, деревня какая-то или усадьба барская.

Делать было решительно нечего. Промокший до последней нитки, перемазанный грязью с ног до головы и злой как тысяча чертей, Чичиков побрёл на спасительный огонёк, поминутно чертыхаясь, когда его лакированные сапоги с громким чавканьем уходили в грязь по самую щиколотку. Позади, тяжело сопя и таща на плече спасённую шкатулку, плёлся угрюмый Петрушка, а замыкал шествие протрезвевший от страха Селифан, ведущий в поводу виноватых лошадей.

Вскоре путники упёрлись в высокий крепкий забор, за которым немедленно поднялся такой отчаянный, оглушительный собачий лай, будто на тихую усадьбу напала целая армия голодных разбойников. Псы лаяли на все лады, словно слаженный губернский оркестр: один выводил густым басом, как церковный дьякон на обедне, другой пронзительно визжал, как немазаное колесо, третий заливался оперными трелями, а где-то в глубине двора четвёртый брехал тоненьким, противным фальцетом, будто колокольчик под дугой.

— Эй! Хозяева! Есть тут кто живой?! — крикнул Павел Иванович, пытаясь перекричать собачий хор и стуча в тесовые ворота. — Отворите же ради Бога! Человек замерзает!

Наконец за забором послышались шаркающие шаги, заскрипел тяжёлый засов, и на крыльце деревянного дома показался тусклый свет сального фонаря. В дверях стояла сама хозяйка — помещица Настасья Петровна Коробочка, пожилая дама в тёплом фланелевом капоте и ночном чепце, наспех повязанном на одну сторону. Лицо её выражало ту суровую, непробиваемую бдительность, с которой обычно охраняют погреба с солёными огурцами от набегов соседских мальчишек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.